

*До и после
рождения Сталина*

Миша Шумарев

18+

Миша Шумарев

До и после рождения Сталина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66982304

SelfPub; 2021

Аннотация

Санкт-Петербург. Наши дни. Главный герой ждет в гости девушку из другого города и отчаянно пытается измениться к ее приезду. Он начинает бегать по утрам, истерично прибирается в квартире, планирует совместный поход в театр. Принимая желаемое за действительное, он не в силах разглядеть истинное положение дел и свою роль во всех этих событиях. Преследуя свой главный мотив «оторваться от реальности и жить в мечте», он ведет себя к устрашающему финалу.

Содержание

До рождения Сталина	5
После рождения Сталина	27

Миша Шумарев
До и после
рождения Сталина

Часть 1

До рождения Сталина

Кто ждет в гости девушку, тот и прибирается – такое у нас было правило, когда я жил в трехкомнатной квартире с соседями, и вот настал момент, когда я ждал гостью. Квартира была большой и довольно грязной, что в сочетании с моим комплексным подходом ко всем проблемам превратилось в черту что. Я всегда выбираю самый длинный путь решения проблемы.

В тот день когда она написала, что приедет ко мне, я проснулся в восемь утра сам по себе, что было огромной редкостью. Обычно, я едва ли мог поднять себя часов в 9–10, но это я сейчас даже лышу себе и можно смело прибавлять пару часов. Если быть совсем честным, то просыпался я всегда от пушечного выстрела из Петропавловской крепости, рядом с которой я жил. Холостой снаряд разрывался ровно в полдень. Эта пушка когда-то стреляла по шведским кораблям, а сейчас по моему беззаботному сну. Артиллерист заряжает снаряд, командир начинает отсчитывать секунды до моей ежедневной тревожности, туристы из Китая просто стоят. Без их присутствия там ничего не происходит.

Огонь!

Невидимый корабль шведского флота получил серьезные повреждения. Маленький флаг Швеции медленно тонет в овощном супе-пюре— приборку я решил начать с поездки в Икею.

Но вернемся к утру первого дня, когда я проснулся в восемь. В тот день все было не так. Мало того, что я невероятно опередил свой будильник-пушку, так я лишился и других ритуалов. Вместо привычной паники и незнания что делать, которая наступает сразу как я просыпаюсь, в тот день я испытал небывалую ясность ума. Ясность и спокойствие. Я почувствовал себя суперчеловеком. А что такие люди делают по утрам? Конечно же они идут на пробежку. Тайтсы, шорты, лонгслив, кроссовки – в русском языке нет слов для беговой экипировки или я их просто не знаю? А то, что у меня все эти вещи есть в шкафу, вовсе не значит, что я бегал больше двух раз за последние полтора года, но ведь, сегодня особый случай: я почувствовал ясность! И спокойствие. Такое еще реже бывает, поэтому нужно пробежать свой круг почета.

Выходим из квартиры и бежим по лестнице вниз, местами ступая на метхаланскую плитку, местами на плитку отлитую из цемента, но это только начало. Дальше желательнее выбежать из парадной, и это одно из самых сложных препятствий на пути: ты открываешь глухую железную дверь и либо тонешь в ярком солнечном свете, либо окунаешься в

зависший в воздухе холодный дождь, но в обоих вариантах следует быть аккуратнее, чтобы не врезаться в колонну туристов из Китая, которая будет проходить мимо парадной. Если получилось выбежать из парадной, то дальше нужно выбрать направление. Сложность в том, что справа будет кебаб и слева будет кебаб. Загадываем желание между двумя кебабами и бежим направо, потому что там горит невероятной красоты рассвет. Больше никаких сложностей быть не должно: вперед бежишь по Кронверкской набережной, назад по Кронверкскому проспекту, во всем рифма, во всем гармония и замысел.

Тем утром у меня появилась надежда, что когда она придет я стану лучшим человеком, может не в мире, но уж точно лучше, чем был до этого. Я вернулся домой и сразу же увидел все недостатки, которые раньше не замечал. Все это бросилось мне в глаза, как будто я уже начал становиться лучше пока бегал. В холодильнике не было никакой еды, кухонные ящики были завалены разным барахлом. Посуда заполонила все горизонтальную плоскости, кроме пола и стульев. Ладно, сюда мы еще вернемся. Я зашел в свою комнату и взглянул на незаправленную кровать. Нет, эта кровать не похожа на кровать молодого и перспективного человека из большого города, мне нужно новое постельное белье. К тому же у меня всего одна подушка.

Сегодня среда, а она приезжает в пятницу утром. Времени мало, но время есть. В пятницу утром, я буду как сейчас,

только лучше, а в пятницу вечером... Погодите, кажется, в пятницу вечером что-то планировалось. Черт, точно! Мы же идем в Александринку на спектакль, как я мог забыть.

– На какой спектакль? – спросил сосед проходивший по коридору

– На «Рождение Сталина»

– Ты идёшь на рождение Сталина? Спросила соседка

– Да

Она медленно заглянула в комнату и выдержав паузу спросила:

– Че дарить будешь?

Так, я не могу бросить ее в первый же вечер и сказать «Извини я пошел в театр, ты пока погуляй, развейся», нет уж. Что мне делать? Спросить пойдет ли она с нами? Конечно, она не захочет. Или откажется из вежливости. Нет, нужно купить билет и сказать «кстати, мы идем сегодня в театр! Я ты и мой друг, он очень интересный, я вас познакомлю». Да, отлично! Если бы я приехал в чужой город и за меня все решили, плюс познакомили бы меня с местными людьми, я бы был счастлив. Я бросился к ноутбуку, чтобы посмотреть есть ли билет и о чудо, именно в нашей ложе и именно возле нас было одно свободное место. Надеюсь, она взяла с собой вечернее платье.

Вечером этого дня я поехал в Икею, чтобы купить все

необходимое для преобразования квартиры, чтобы она впредь соответствовала тому, как я себя с недавних пор чувствую. Икеа наводит на меня тоску в несколько этапов: сначала когда я подъезжаю к ней и смотрю из окна автобуса. На этом этапе речь идет о масштабе и соизмеримости. Издалека видно насколько огромно это здание и в пору ему, гиганту, все гигантское вокруг. И парковка на тысячи мест и шпиль с логотипом такой высокий, что как будто подпирает хмурое небо. Все это заставляет меня чувствовать свою незначительность. Для кого все такое большое? Кому нужно так много места. Представь сколько много внутри этого гигантского склада может уместиться, ну например, столешниц. И за каждой столешницей придет семья и заберет ее к себе домой, и прихватит еще четыре ножки. Если вы живете в большом городе, как часто вы пытаетесь, хотя бы в своем воображении визуализировать его полностью? Всех его резидентов. Скольконибудь миллионов человек. Вряд ли вы делаете это. Обычно мы видим на улице одновременно несколько сотен людей, может быть мы представляем себе наш квартал и район как нечто целое, как группу. Мы чувствуем людей которые едут в одном вагоне или в одном поезде. Чувствуем пробку на входе в метро, но масштаб всегда один и тот же. А огромный склад икеи заставляет меня понять масштаб через количество товара, который может уместиться внутри и вскоре будет продан.

Следующий этап – это когда идешь мимо кусочков инте-

рьеров оформленных, чтобы показать что можно сделать из мебели Икеа. Ничто так не заставляет меня думать об одиночестве как этот обязательный отрезок пути, который ты не можешь не пройти, если хочешь что-нибудь купить. Все эти стенды напоминают мне кукольный домик: спальня в разрезе, уютная прихожая, дверь в которой – это муляж, гостиная обставленная с любовью и заботой, но никого в этих комнатах нет, а есть только ты – одинокий мальчик, который смотрит на пустой кукольный домик и ему не с кем играть.

Спустя полтора часа у меня было три больших пакета с разными очень нужными мне штуковинами, заметно исхудавший баланс на карте и странное чувство в животе, как будто происходит что-то невероятно важное. Я решил перекусить в икеевской столовой, потому что было уже около девяти вечера и я был безумны голодным. Я купил картошку фри, овощные фрикадельки и тот самый суп пюре, в котором случайно утопил крошечный шведский флаг. Такой флажок втыкают во фрикадельку. Ругаясь на свою неуклюжесть я огляделся, чтобы узнать видел ли кто-нибудь как я руками достал флаг из супа. Через один столик от меня сидела девушка, смотрела на меня и улыбалась. Миловидная курносая брюнетка с худыми руками и выразительными кистями, которые могли бы в рекламе дорогих аксессуаров изящно защелкивать клатч. Я попытался вежливо улыбнуться и быстро отвернулся, потому что было немного неловко. Спустя пару минут к ее столику подошел парень с тележкой

и подносами и пользуясь тем, что они оба были поглощены сервировкой своего стола и раскладыванием тарелок, я смог более внимательно разглядеть их обоих. Они были красивой парой. Такой парой по которой сразу понятно, что они пара. Под стать друг другу, с зависшим над ними облаком спокойствия и уверенности. Такая уверенность зажигается от, того что они стоят рядом, а может быть когда они по одному о них и не скажешь ничего особенного. Я почему-то сразу представил их в вечерних нарядах и как они на такси подъезжают к театру. Он выходит первый, не спеша обходит авто и открывает ей дверь. На тротуар немного политый дождем, как будто кто-то снимает здесь кино красиво падает свет из пролетов в колоннаде. Они проходят через оживленный поток пешеходов, взявшись под руку и поднимаются по ступенькам, к входу где их ждет портье в историческом костюме. Избавившись от своих пальто они уютно зашагают по мягким красным коврам в холле. Потом вверх по центральной лестнице из белого мрамора, наверху которой огромное зеркало, в котором они сделали бы совместную фотографию, потому что сами удивились бы своей красоте и своему сиянию, своей нежности и влюбленности. Эта мысль затянула меня глубоко и надолго. Икеа закрывается через десять минут – пора ехать домой.

Второпях я вышел через самый ближайший выход который попался на моем пути. Спустился по лестнице, толкнул стеклянную дверь и очутился ровно по центру гигантской

подземной парковки.

Четверг. Я ушел пораньше с работы, чтобы заехать на рынок за овощами и фруктами и в супермаркет за продуктами. Мне хотелось, чтобы на кухне было как можно больше всего и чтобы еда была разнообразная и вкусная. Плевать, что обычно мы пользовались кухней, чтобы просто сидеть и разговаривать. В холодильнике обычно валялась пара пустых коробок из под яиц или еще что-нибудь в таком духе. Банки, содержимое которых выглядело ужасающе, и открывать их никто не решался многие годы. На двери холодильника было магнитными буквами выложено огромное количество странных фраз, например «ДИМА ВЕРНИ ДЕНЬГИ», а ниже «ВЕРНУЛ», еще ниже «СПАСИБО», а потом, например, «СЛАВА РОССИИ». Дверца в морозилку приморозилась так, что открыть ее больше не представлялось возможным, поэтому морозилки у нас считай не было.

На рынке я купил яблоки, бананы, виноград двух сортов, помидоры, огурцы, авокадо, шампиньоны, болгарский перец и несколько свертков специй. В ларьке, который держат азербайджанцы я купил орехи, а именно: фундук, сырой миндаль, кешью и немного макадамия. Когда я тащил все это домой, я совершенно не чувствовал тяжести, потому что все мои мысли были заняты другим вопросом. Я пытался понять, почему я вообще способен на такое. Правда, обычно поход в магазин или на рынок для меня жуткая пытка. Мне

очень тяжело выбирать, и даже если я заранее составлю список, я все равно могу потратить полчаса на поход в супермаркет, а в итоге принести на кассу головку чеснока и коробку протертых томатов. Я могу 10 минут стоять и думать какой хлеб мне нужно взять и в итоге уйти без хлеба. Я поднялся на свой этаж в лифте и пытаюсь понять как тот человек, которого я знаю смог из головы придумать такой список продуктов и купить все это за 15 минут на огромном и шумном рынке. Я закинул овощи на кухню и пошел в супермаркет, воодушевленный своим успехом я надеялся, что вторая часть пройдет также гладко, и действительно, там где раньше я очень долго думал взять ли мне что-нибудь к чаю или на утро, сейчас я быстро и решительно клал в корзину коробку семян чиа, кокосовое молоко, манговое пюре и апельсиновый сок. Каперсы, греческие оливки с косточкой, корнишоны, вяленые томаты, моцарелла, камамбер, тофу, марципан и бутылка новозеландского совиньона блан отправлялись в корзину без малейших промедлений. Я не совсем понимал, почему мне нужны именно эти продукты, я не имел ни малейшего представления о том, что из них можно приготовить, но тем не менее очень целеустремленно хватал очередную банку и складывал в корзину.

Это была выигранная битва, но не война. на часах было уже 20:00, а приборка еще даже не начиналась. Я отнес сумки на кухню и примерно 25 минут просто ходил по квартире туда-сюда пытаюсь понять с чего начать. В итоге, начал с

кухни, как с самого грязного места. Выбросил из холодильника все недоброе и отверткой отковырял дверь в морозилку. Слава богу внутри нее не оказалось замороженной головы. Я протер полки водой с лимонной кислотой и сложил внутрь купленные мной продукты. Холодильник стал выглядеть как холодильник нормального человека. Это был легкий и быстрый успех, который, я боюсь, даже немного расслабил меня. Справа от холодильника стоял столик усыпанный чем-то странным: сушеными листьями, жестяными коробками из под чая, таблеткам и пакетами. Таблетки отправились к таблеткам, коробки к другим коробкам, а листья пришлось выбросить. После столика на колесах я переключился на барную стойку заставленную разной посудой: чистой и грязной вперемешку. Все это отправилось в раковину, а я двинулся дальше. Я шел по часовой стрелке и следующим участком была обеденная зона: стол и скамейки вокруг него буквой «П». Я выкатил все скамейки и вынес все стулья. Я обнаружил за ними огромное количество разных потерянных вещей, но больше там было разных остатков еды, крошек и оберток. Время летело неумолимо. С каждым новым участком кухни мне казалось, что я только глубже закапываю себя в этом процессе и выбраться из него я уже не смогу. Я вытащил все содержимое кухонных ящиков и начал пытаться разобрать его используя логику. Внешний вид, срок годности, функциональность – это были критерии, по которым я определял что делать с той или иной вещью. Например, я

нашел бутылку вина 2008 года и листы для лазаньи 2004. С вином все понятно, а вот выкидывать ли листы я долго не мог решить. Но в итоге решил оставить их, чтобы однажды приготовить ретро-лазанью. Я перебрал все специи и те из них, что были не просроченными я пересыпал в стеклянные баночки, которые я предусмотрительно купил в Икее. В кладовке я нашел коллекцию советских жестяных банок с надписями рис, манка, горох и тд. В них я пересыпал все содержимое ящиков, так чтобы надпись соответствовала тому, что находится внутри. Я залил плиту раствором лимонной кислоты и соды и пошел мыть бесконечные стаканы и кружки. На кухне оставалось только вымыть пол и поставить на стол вазу с вымытыми фруктами, но впереди еще была ванна, коридор и моя собственная комната, а силы уже были на исходе, но то странное чувство внутри, не давало мне остановиться и присесть.

Я закончил приборку на кухне в 22:15 торжественно водрузив корзину с вымытыми фруктами на стол. Я остановился в проходе чтобы обернуться и окинуть взглядом помещение, оценить проделанную работу. Кухня выглядела великолепно, кажется, я никогда не видел ее в таком порядке. Я хотел продолжить грандиозную уборку дальше и зашел в ванную, но вдруг у меня загудело в ушах и слегка закружилась голова. Я сел на бортик ванны. Мы жили в доходном доме на улице Куйбышева, на 5 этаже. Квартира была расположена

так, что окна комнат выходили в колодезь, а стены ванной и туалета были как бы краем здания – брандмауэром. Соседнее здание то ли не дожило до наших лет, то ли его и не было никогда, но именно в ванной было слышно и как шумит улица и как идет трамвай и мое самое любимое, как задувает ветер. Почему-то когда я слышу эти звуки, здесь в ванной, в которой нет окон, я как будто переносусь назад во времени. Я буквально лечу и падаю вниз проваливаясь слой за слоем. Пролетая мимо 90-х с танками подъезжающими к Петербургу, мимо 80-х где в кабаках поет Александр Яковлевич, мимо ленинградского рок-клуба, мимо Шостаковича, которого на «чайке» везут в Большой дом, мимо его ленинградской симфонии, мимо блокады, мимо дома коммуны на троицкой площади, мимо Исаака Бабеля проснувшегося в зимнем дворце, мимо крейсера Авроры, мимо Матильды Кшесинской, чей особняк стоит через дом от нашего... Я открыл кран и умылся холодной водой.

Я решил сходить на улицу. Зашел в свою комнату и в темноте достал из старой помятой жестяной банки пачку сигарет с гвоздикой, которую купил еще в феврале, когда был на каникулах в родном городе. Я не курю, но эта пачка была чем-то особенным и это были единственные сигареты, которые я мог курить. Они пахли гвоздикой и кисловатым табаком и после них мне не было плохо, как после любых других. У меня был небольшой ритуал: когда мне становилось грустно, я брал эту пачку и шел на Троицкую площадь к до-

му-коммуне. Ничто так не притягивало меня, как этот дом. Я мог долго сидеть и размышлять о нем, прокручивать его историю в голове. Я знал одну большую историю и мне нравилось придумывать на ее основе много маленьких. Как будто заглядывать в каждое из окон. Пусть эти истории и были трагичными, я пытался выхватить ту их короткую часть, которая могла бы быть волнительной и многообещающей, когда восторг переполняет и от счастья кружится голова.

Этот дом был построен для людей, которые были освобождены советским правительством из царской каторги. Опережающее свое время здание, со светящимися балконами прямо напротив петропавловской крепости. В здешних квартирах не было кухонь, потому что еду можно было заказать на общей кухне или сходить в кафе, которое было в этом же здании. Люди которые жили здесь 100 лет назад пережили страшные события, репрессии, тюрьму, пытки, и вдруг, все наладилось и этот новый светящийся электричеством дом стал их Домом. Они прогуливались по набережной, любовались закатом, читали книги в местной библиотеке, влюблялись и создавали семьи.

Я перелез через бетонное возвышение возле крыльца и по газону подкрался ближе к окну, из которого на лохматые кусты лился теплый свет. Это было окно комнаты отдыха, играла пластинка, в мягком свете торшеров танцевала пара. Другие сидели в креслах по углам, курили и смеялись. Я заметил девушку, сидящую в углу. Она была одна и читала книгу.

Черные волосы, короткая стрижка, очки в роговой оправе. Она напоминала мне кого-то, но было трудно разглядеть ее как следует из-за расстояния и дымки внутри помещения. Я хотел было пробраться ближе к окну, но вдруг я почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Я осекся и немного повалился назад в кусты. В комнате отдыха выключился свет и перестала играть музыка. Я выбрался из зарослей и медленно подошел ближе к окну. Я прислонил к стеклу в домик сложенные ладони, чтобы прикрыть свет от уличных фонарей. Внутри не было ни танцующей пары, ни юношей с сигаретами, ни той девушки, ни даже советской мебели и торшеров. По центру пустой комнаты стоял невысокий коренастый мужчина в военном мундире.

Я вернулся домой. От моего героического настроения почти ничего не осталось. Пока я сидел на скамейке возле дома-коммуны и придумывал истории, которых никогда не было, она написала мне, что выехала и что ее нужно встретить в 10 утра на Московском вокзале. Я вдруг подумал, о том, что возможно мое воображение сыграло со мной злую шутку. Я начал вспоминать, откуда вообще все это взялось. Тем утром, почему я решил, что это так важно? Я перечитал нашу переписку и понял, что я увидел то, чего на самом деле не было. Там где я видел «я приеду к тебе» было просто «я приеду». Там где я читал, «я так жду когда уже я приеду и мы будем вместе» на самом деле было «Скорее бы приехать

и увидеться со всеми друзьями». Мы расстались в феврале. У меня осталась от нее и на память о том, что между нами было только эта пачка сигарет. В которой, кстати осталась последняя сигарета. Я только что выкурил ее, а пустую пачку выбросил в урну. Я уже не видел никакого смысла в том, чтобы прибираться дальше и вообще, чтобы хоть во что-то верить.

Я свидетель самых главных обломов, всех несбывшихся мечт. Всех растраченных обещаний, всех проваленных планов и душераздирающих предательств. Спустя шесть лет после того как освобожденные из царской каторги люди заехали в новый электрически-светящийся дом их снова начали арестовывать и отправлять уже в советские лагеря.

Вернувшись с прогулки я не продолжил прибираться, только поменял постельное белье на новое из икеи и сходил в душ. Ближе к полуночи меня начало клонить в сон – беготня последних двух дней вымотала меня.

Утром я проснулся посреди комнаты, по которой были разбросаны разные вещи, на полу валялось старое постельное белье и мелкие сентиментальные штуковины, которые выпали из той металлической коробки с пачкой сигарет, когда я доставал ее в темноте на ощупь. Монеты собранные из разных путешествий, билеты от автобусов, самолетов поездов, которые я сохраняю на память и потом использую как

закладки в книгах. Комната выглядела будто в нее залетело торнадо. Прибираться уже не было времени, нужно было ехать на вокзал. По пути в ванную я еще раз взглянул на кухню: да уж, ваза с фруктами, очень мило. Я почистил зубы и полетел вниз по лестницам. На улице была моя любимая погода: небо, белое как молоко, 15 градусов, не холодно, не жарко. Чудесный май, уже все вокруг в зелени.

В Питере тяжело не думать. Это город вечной рефлексии. Все вокруг помогает тебе постоянно погружаться в мысли. Длинные эскалаторы, старые шумные вагоны и остановка в гробовой тишине посреди тоннеля, по моим ощущениям, где-то прямо под Невой. О чем еще я мог думать этим утром, кроме как о ней. О том, что мне в ней нравится и почему меня так к ней тянет. Дурацкое слово аура, но кажется, правда вокруг некоторых людей что-то витает! Что-то что чувствуешь оказавшись рядом. Может быть эта сущность складывается из разных мелочей как из кирпичиков.

Ее фигура, даже не стройная, а по мультяшному утрированная. Большая живая тимбертоновская кукла, с длинными рукам и ногами и большим красивым ртом. Кажется, такие выразительные рот и губы можно только нарисовать. По крайней мере, вы бы так думали если бы никогда ее не видели. Но это не так важно, ведь у нее была какая-то сумасшедшая харизма. Я помню вечер когда мы впервые увиделись, и то впечатление которое она на меня произвела, она все таки произвела когда начала говорить:

Привет!

Вот этот голос, здесь на третьей платформе второго пути. Свитер с высоким горлом, джинсы, волосы в пучок и маленький чемодан на колесах, который я уже катил по мраморному полу вокзала. Она улыбается, смотрит в глаза, веселая и легкая. Просит прощения за что-то. Я говорю, что ничего, все хорошо, а сам пытаюсь понять, за что именно: за ту часть, где по моей версии было хорошо или за ту, где опять же по моей версии все пошло не очень. Ну, думаю, если приехала, значит за ту, где все пошло не так. Иначе, зачем было приезжать?

Мы зашли в крошечный лифт и я в шутку обнял ее, якобы, это лифт, чтобы сломать лед между незнакомцами: в него едва помещалось два человека. Да, я обнял ее в шутку и быстро отстранился, но она притянула меня обратно. Лед действительно сломался.

Мне не пришлось извиняться за бардак в комнате, потому что она сразу попросилась в душ. Я проводил ее и дал новое полотенце предусмотрительно купленное в икее. Пока она была в душе я решил приготовить завтрак. Впервые было из чего.

– Ммм, что ты готовишь? – спросила она растряхивая руками сырые волосы – У тебя есть фен?

– У меня нет, но есть у соседки, он лежит на подоконнике.

Я готовлю скрэмбл из тофу, будешь завтракать?

– Не смогу меня уже ждут внизу! Но вечером обязательно поужинаем вместе! Да ведь?

– Конечно! Напиши, что бы ты хотела на ужин.

– Я бы хотела что-нибудь приготовленное тобой! (Ретро-лазанья??)

Она подошла ко мне стоящему у плиты, я дал ей попробовать скрэмбл с лопатки.

– Ммм, боже, как вкусно. И на что я тебя только меняю! Ну ничего, надеюсь вечером будет что-то такое же вкусное.

Она ушла обратно в ванную сушить волосы.

– Ты разобралась со своими планами? Пойдешь с нами в театр?

– Еще нет – крикнула она из ванны – напиши мне куда и во сколько подойти.

– В 17, александринка.

– Вау, я точно буду! Очень хочу сходить!

Она вышла из ванны и забежала на кухню. Покрутилась передо мной как маленький щенок с черной шерсткой, на которой едва заметны черные глаза. Милое черное пятнышко – солнечный зайчик, только из темноты, а не из света. Ее имя с грузинского переводится как «темная». Худая рука обвила мою шею и притянула, так что я пошатнулся.

– В любом случае увидимся вечером! – она поцеловала меня в щеку и пошла обуваться в коридоре.

Я пошел закрывать за ней дверь, выглянул в подъезд чтобы проводить ее взглядом

– До вечера – сказала она спускаясь по лестнице. Остановилась посередине пролета и отправила воздушный поцелуй. Пробежала еще один пролет вниз и снова остановилась, чтобы проделать то же самое. Я улыбнулся и закрыл дверь.

Иногда на работе бывают тяжелые дни. Это был один из них. С одной стороны, проекты, которыми я занимался к тому моменту уже превратились в сущий бардак и мне казалось, что я не смогу решить все те проблемы, которые на меня свалились. Но работа работой, я ждал вечер. Ждал поход в театр в прекрасной компании и спокойный и уютный ужин дома с вином и пластинкой джаза. Где-то после обеда, когда меня начало клонить в сон, раздался звонок:

– Я уезжаю

– Куда?

– В Москву, сегодня в четыре вечера

Я молчал

– Прости

Дальше все как в тумане. Я не помню как я закончил рабочий день. Помню только как вышел из офиса и пошел к метро. Конечно же, на улице шел дождь. В этом дожде я смешался с унылой толпой, переступая с ноги на ногу как пингвин я продвигался в очереди у входа в вестибюль. Поезд, в

который я сел ехал так будто прорывал своим ходом тоннель в сырой земле. Искореженный и грязный, он все таки довез меня до Александринки.

Наши места были на четвертом ярусе в ложе на восемь мест. У нас был первый ряд и я сидел вплотную к маленькой перилке, сложив на нее руки и голову, как ребенок который в отъезжающей от дома машине с заднего сидения смотрит в заднее стекло. Смотрит тоскливо, потому что явно не хочет ехать туда, куда его везут (наверное к бабушке в деревню, тогда как все друзья остались в городе) и у него нет никакой возможности остановить это движение. Вот и я сидел и понимал, что не хочу ехать дальше, не хочу объяснять ничего себе и уж тем более кому-то еще. Ограждение балкона нашей ложи было очень низким, а с моим ростом оно и вовсе казалось игрушечным – чуть выше моего колена. Я немного приподнялся на стуле, чтобы вытянуться за перилу и посмотреть вниз. Высота казалась более чем достаточной, чтобы больше ничего никому не объяснять. Всего лишь небольшой импульс, чтобы чуть сильнее распрямить колено и дальше, наверное, уже ничего не разобрать. Длинные ряды кресел обтянутых красной тканью, старый паркет, женщины в вечерних платьях, все смешается как в блендере. Если смешать все краски получится черный – закончится свет.

– Можно я сюда сяду? – мне пришлось выпрямиться и затащить свою свесившуюся голову обратно в ложу, где моло-

дой человек хотел занять свободное место рядом с нами.

– Нет, здесь занято – вяло сказал я и медленно обернулся обратно к сцене.

Прозвенел последний звонок, в зале выключили свет. Сейчас начнется спектакль и он будет смотреть на место, которое так никто и не займет и злиться, за то что мы ему отказали, но мне было все равно. Я понимал, что она не придет, что ее билет у меня во внутреннем кармане пиджака, и что она уже едет в поезде в Москву, но я все равно ждал, что вот вот откроется дверь в ложе и она поджав плечи, протиснет свое худое тело между зрителями извиняясь шепотом.

В финале спектакля на сцене должна была подняться огромная статуя Сталина.

Сталин был картонным, но Сталин был тяжелым. Статуя была сделана из папье-маше, но осознав форму, которую она приняла налилась свинцом. Чтобы поднять ее понадобилась бы отдельностоящая ГЭС. Механизм, пытавшийся поднять статую не выдержал этого веса и коротким замыканием погрузил театр в темноту.

Я все таки прыгнул? Секунды моего полета превратились в десятки минут спектакля и вот теперь я наконец то достиг точки Б и.. Стало темно, и тихо, и я как будто почувствовал, что вокруг нет никого. И самое удивительное, то что нет и меня. А если нет никого и меня в том числе, значит я здесь

не один. Это странно, но эти секунды пока весь зал притих из-за отключения света и я вдруг перестал чувствовать себя одиноким. Вот что было бы если бы я перевалился за перила. Состояние когда ты не чувствуешь, где кончается твое тело и начинается пространство вокруг, потому что нет ни тела ни пространства.

Когда свет включили Сталин так и остался стоять поднятым не до конца. Под углом чуть меньше 45 градусов. Под таким углом рыбак бросает гарпун. Под таким углом лесоруб вонзает топор в ствол дерева. Я, мой друг, и все зрители стопроцентно поняли – Сталин родился.

Часть 2

После рождения Сталина

После спектакля мы поехали в грузинский ресторан. Грузинские рестораны в своей бутафории более изящны, чем например, индийские, но проигрывают китайским в простодушии. В некоторых из них я видел очень мило расписанную плитку потолка Армстронг, в некоторых бетонные столбы, несущие конструкции здания, оплетенные прутьями, будто мы в шаткой хижине, а не в спальном районе Москвы. Это впечатление такое слабое, что даже не пытается никого обмануть, ведь бетонный столб оплетен лишь до высоты полутора метров, а вся его остальная часть так и стоит голым серым бетоном. Я зашел в большой холл квадратной формы, он был как бы хабом между всеми частями ресторана, напротив была барная стойка и стойка с администратором, по бокам разной величины залы, наверху балконы и туалеты. В этом квадратном холле на полу лежал такой же квадратный ковер в персидском стиле. Это был самый большой ковер, который я когда либо видел. За стойкой молодая девушка смотрела на меня и улыбалась глазами. Я подошел.

– Здравствуй, дорогой. Ты один сегодня? – спросила она так, будто я постоянный посетитель, хотя я был здесь впервые.

– Нет, мой друг снаружи, разговаривает по телефону. – я обернулся чтобы посмотреть не идет ли он.

– Я провожу тебя.

Она вышла из-за стойки, подошла ко мне, улыбнулась прямо в лицо и взяв за локоть повлекла за собой в один из залов на первом этаже. Я сел за столик и еще раз огляделся. Это место напомнило мне о моей сбежавшей гостье и всех этих событиях, и это напоминание вызвало резкую сверлящую боль, потому что я знал, что ее здесь точно быть не могло. Я понял, что я все еще жду, что она все таки появится.

Я вдруг начал забывать как именно я сюда попал, как пришел, как приехал. Время от времени я пытался встать со стула, но меня как будто придавило тяжелым воздухом. Каждый раз когда я пытался приподняться я только ловил на себе взгляд девушки из-за стойки и улыбку говорящую: все хорошо милый, посиди еще..

Я не знаю сколько времени прошло. Я находился в каком-то оцепенение или трансе, я по прежнему не мог встать со стула. Меня как будто гипнотизировал равномерный и спокойный шум ресторана, а легкая дымка внутри рассеивала мой взгляд и не давала сфокусироваться на предметах. Я не мог рассмотреть гостей или что стоит у них на столах, не мог разглядеть лиц официантов. Я только видел как улыбается девушка за стойкой, даже когда не смотрел на нее, я чувствовал ее взгляд на себе и чувствовал, что она улыбается.

Пользуясь состоянием когда мое тело было почти парализовано мой мозг пустился в бесконечное воспроизведение случившейся со мной истории, он начал с самого начала. Помните, ту пачку, которую я докурил и выкинул в урну вчера вечером? Все началось с неё. Наверное, меня поймут только те, кто не курит сигареты каждый день. Для меня сигареты – это попытка пересечь границу миров и попасть в мир несбыточного. Как будто сойти с поезда на пятиминутной остановке, чтобы найти города из романов Грина. Не даром пианист Гарвей сошел именно, чтобы купить сигарет. Как шагнуть в Касабланку или Римские каникулы, где принцесса состригает шикарные локоны просто так, в качестве бунта. Это все об одном. Сами сигареты бессмысленны, но как артефакт они очень желанны. Конечно, чудес не бывает. Закурив сигарету, ты не переносишься в волшебный мир. Вместо этого, тебя начинает немного подташнивать и ты разочарованно выбрасываешь пачку в которой на одну меньше сигарет чем было в целой. Ну или отдаешь бездомному на улице. В любом случае, чувствуешь себя глупо. Заветный мир остается выдумкой, недостижимое на то и недостижимое.

Но в тот день впервые все было по другому. Я нашел человека, который стремился туда же куда и я. Случайно встретив ее на улице между нами состоялся телепатический разговор.

Она сказала:

– Мне скучно в этом городе, а ты выглядишь как человек, который мысленно где-то не здесь. Возьмешь меня с собой?

– Ты права, я собираюсь сойти с поезда на маленькой остановке черт знает где. Сойдешь со мной?

Как и было задумано в 02:05 мы сошли с поезда, который курсировал по маршруту обычной жизни, где утром нужно идти на работу или учебу, а ночью нужно спать. Мы взяли за руки и побежали в ближайший открытый бар.

Мы вышли на улицу, купили сигареты в ларьке. Она назвала марку, которую я никогда раньше не видел: это были какие-то особенные сигареты. Да и ларек этот, сколько я его помню, работал до семи вечера. Как он оказался открыт в три ночи? К тому моменту я уже потерял ощущение реальности. Я как будто находился в своем сне. Я закурил сигарету и чувствовал себя внутри Касабланки. Я чувствовал себя как будто вместо привычного пульса у меня катушка с пленкой щелкает 24 раза в секунду.

Эта катушка крутилась еще три дня, пока я не сел в самолет и не улетел в Петербург, где меня ждала моя обычная жизнь: сон ночью, работа днем. И та пачка лежала в жестяной коробке, напоминая о тех днях и о том, что волшебство бывает, но оно такое хрупкое и слабое, что не может длиться дольше нескольких дней. Прошло несколько месяцев, кото-

рые вяло и серо текли, без особых потрясений, без особой радости. Пока однажды она не написала, что приедет. Я искренне поверил в то, что меня ждет новое приключение, но я не знал, что оно будет таким. Вместо того, чтобы снова сойти со мной с поезда, она поехала дальше без меня. Куда-то в свое несбыточное, о котором я уже ничего не узнаю...

Кто-то сказал «Не переживай об этом»

Я открыл глаза. Рядом со мной стоял седой мужчина невысокого роста, в руках он держал кувшин.

– Не переживай об этом, давай лучше выпьем – сказал он с сильным грузинским акцентом – это мой ресторан, а ты мой дорогой гость.

Я огляделся: девушка за стойкой все так же смотрела на меня и улыбалась.

– Я хочу угостить тебя своей лучшей чачей – он сел за стол, вытащил пробку из кувшина и налил чачу в две рюмки.